

что меня несколько утешило. Все это не помешало мне отлично развлекаться в Италии — тем и прекрасна молодость. По правде говоря, мне выпадали на долю и грустные часы: Вдовушка написала мне в Рим; в письме не было ничего особенного. Я ей ответил, и никаких писем от нее больше не получал.

Вернувшись во Францию, мы еще раз остановились в Ливоне, в доме молодой красавицы. Я без дальних слов стал просить, чтобы она позволила мне подняться по веревочной лестнице к ней в комнату, и высказал намерение нанести ей летом в деревне, где ей предстояло пробыть три месяца. Она ответила, что все это слишком опасно. В течение некоторого времени я получал от нее письма в Париже: писала она хорошо; потом вдруг ее письма перестали приходить, я так и не узнал почему, ибо вскоре она умерла.

Но вернемся ко Вдове. Я полагал, что она встретит меня с необычайной радостью, и был весьма поражен, когда она обошлась со мною суровее чем когда-либо и стала упрекать меня, что по моей вине оказалась в крайне горестном положении. Дело в том, что после моего отъезда она пришла в такое отчаяние при мысли о том, чем для меня пожертвовала, что у нее вдруг прекратилось то, о чем вы догадываетесь. Хотя я отнюдь не подвергал ее опасности забеременеть, она решила, что пошла, и открылась своему врачу, дабы вовремя принять нужные меры. Я разобрал ее за то, что она растрожилась попусту и рассказывала обо всем постороннему человеку. «Это почему же? — возразила она, — отлучно знает, что здесь нет ничего дурного, и я сказала ему, что вы обещали на мне жениться». Полагаю, но не поручусь, что как-то в шутку, а может быть, и в минуту нашей близости, она спросила меня: «Ты ведь мне муж?» — на что я, возможно, ответил: «Да, конечно», — и эти слова она приняла за чистую монету. И вот мы поссорились. Серилас, отнюдь не воспользовавшийся моим отсутствием, застал ее более печальной, чем когда-либо. Конгрегация Креста тем временем изгнала его из своих рядов, и с тех пор он преклонялся только перед Девой Марией. Бедная девушка из Ливона умерла в пору нашего разлада, в Вдовушке, которую я уже почитал в душе капризницей, это было на руку, чтобы меня удержать; уже ликого не любя, я пошел ради того, чтобы примириться с нею, на многое такое, чего бы никогда не сделал в ином случае.

Приобретя со временем опыт, я вздумал приударить за некоей девицею, которой того очень хотелось. Она приходилась родственницей жене Лианса и была камеристкой одной из теток. Все эти родичи, так же как и мой отец, жили неподалеку от Вдовы, где благодаря просторному салу мы развлекались больше, чем в любом другом месте. Я шутил с этой девушкой на глазах у моей дамы сердца; ту это оковчательно со мной примирило, и все опять пошло на лад. Девица звала меня своим муженьком и любила всем сердцем.